

DOI: 10.19195/0137-1150.163.10

JEWGIENIJ NIKOLSKI

Uniwersytet Warszawski, Polska

Eugenius-09@ukr.net

Праведная и грешная старость в творчестве Всеволода Соловьева

В данной статье мы рассматриваем трактовку старости у Всеволода Соловьева, писателя, не встретившего осень жизни, но создавшего небезынтересную галерею образов пожилых людей. К концу XIX века он — известный литератор, более того, один из самых популярных исторических авторов. У него многолетний опыт работы, вышедшее семитомное собрание сочинений, признание читателей. При жизни и до революции Соловьев был одним из самых популярных беллетристов.

Статистические исследования показывают, что проза Вс. Соловьева на рубеже XIX–XX вв. была очень популярна. После публикации в журналах исторические романы выходили отдельными изданиями, многие переиздавались, неоднократно выходили собрания сочинений. Критики писали, что на исторические романы Соловьева в библиотеках и читальнях всегда был большой спрос среди различных слоев русского общества. По отчетам двух петербургских публичных библиотек за 1889 г., произведения Соловьева занимают десятое место. Среди читателей этих библиотек: рабочие, учащиеся, служащие. По дополнительному исследованию читательских интересов взрослых рабочих фабрик и заводов, книги Соловьева уже на пятой позиции¹.

После 1917 г. имя Соловьева в связи с его монархическими взглядами² и близостью ко двору Александра III было изъято из истории русской ли-

¹ С. Васильева, *Творчество Вс.С. Соловьева и проблемы массовой литературы: автореф. д-ра филолог. наук*, Тверь 2009, с. 3.

² Подробнее об этом см. наши статьи: Е. Никольский, *Размышления Всеволода Соловьева о благочестии, вере и соблазнах эпохи*, „Церковь и время” 2009, № 2 (47), с. 235–256; *idem*, *Социально-педагогические идеи православного писателя Всеволода Сергеевича Соловьева*, [в:] *Церковь и русский мир: история, традиции, современность. Пятые Свято-Филаретовские чтения*, ред. А. Мельков, Москва 2010, с. 164–172; *idem*, *Дворянский вопрос в прозе и публицистике Всеволода Соловьева*, „Мова і культура” 145, 2010, с. 190–195.

тературы. Наследие писателя в советский период не изучалось, книги не печатались.

Другой причиной непризнания Соловьева в советский период были его глубокие религиозные убеждения. Писатель считал, что христианство оказало и оказывает положительное влияние на социально-нравственную жизнь России. По его мнению, когда слабеет вера в обществе, то „в нем появляются и вырастают всякие пустоцветы: суеверия и ложные веры”³, которые не могут исцелить ни отдельного человека, ни весь социум в целом. Выходом из сложившейся ситуации писатель считал усиление проповеди Евангелия, вторичную христианизацию страны, личное обращение каждого человека ко Христу. В этой же статье он писал, что:

самый слабый и глубоко греховный человек, если он только искренне примет участие в богослужении, где каждое молитвенное слово полно живого смысла и значения, — непременно выходит из церкви очищенным и усмирленным, проникнутым духом Христова учения. Полученное им лекарство может скоро потерять в нем свою силу; но никогда не потеряются для него эти несколько часов, проведенные под благотворным влиянием; они отразятся хоть и малым, но живым зерном в жизни человека⁴.

Об искреннем отношении Соловьева к православной вере можно судить по такому высказыванию писателя, помещенному им в журнале „Север” в 1890 г.: „[...] христианская религия дает человеку такое утешение, что все страдания земные переносятся без отчаянья. Но это... доступно только людям искренне верующим”⁵. С учетом этих высказываний автора раскроем трактовку старости в его прозе.

Хотя специального произведения, посвященного старости Всеволод Соловьев не создал, образы стариков и старух присутствуют на всем протяжении его творчества от первого романа *Княжна Острожская* до последнего неоконченного произведения *Цветы бездны*. Для Соловьева был характерен полярный стиль мышления: он избегает полутонов, его персонажи четко делятся на положительных и отрицательных, добрых и злых, умных и глупых, мудрых и суетных. При этом, подобная заданность не деформирует художественное начало, а формирует особое его звучание в творчестве писателя. Так и старость у Соловьева либо грешна, либо праведна.

Рассмотрим основные образы соловьевских стариков и старух. В первом романе *Княжна Острожская* (1877) носителем и выразителем идей христианской святости является уже пожилой, но еще не дряхлый, князь Константин Острожский, реальный исторический персонаж, деятель польской и украинской истории. Магнат пытался сохранить патриархальные устои. В его замке соблюдались посты, исправно посещалась церковь, неумолимо преследовалось пьянство. Благочестивый вельможа понимал, что

³ Вс.С. Соловьев, *Заметки издателя*, „Север” 1889, № 8, с. 152.

⁴ *Ibidem*.

⁵ *Ibidem*, с. 822.

его обманывали и тяготились его присутствием и надзором. Он знал, что употреблены „все меры, что [...] сам подает добрый пример, и что даже [...] враги не смогли бы сказать, что в доме князя Острожского безнаказанно и открыто терпятся разврат и бесчинство”⁶.

Редкие религиозные торжества, проводимые в Остроге, придавали князю Константину надежду на то, что удастся укрепить благочестие в своих владениях, на Волыни. В минуты церковных служб князь был необыкновенно красив, словно тепло исходило от него.

Давно уже не видали князя с таким радостным лицом, как во время освящения придела... но эта роскошь одежды не была плодом его собственной заботливости: он так оделся, потому что так одел его приставленный к его гардеробу шляхтич. Если бы ему принесли старое платье, он надел бы и его и никогда не заметил бы этого — он никакого внимания не обращал на свою внешность⁷.

Благочестивому пожилому аристократу не нужна была роскошь, он даже в самом простом платье все равно бы выглядел счастливым человеком во время торжественных мероприятий в Остроге, когда приходил его православный народ, который радостно его приветствовал.

Все близкие люди, знавшие характер князя, не могли не уважать его, но к этому уважению непременно примешивалась определенная доля страха. Все знали, что только с чистой совестью и с разумным словом на устах можно было смело приближаться к князю, что от него можно было ждать справедливости, но ни в каком случае потачки. Он уважал всякую силу; но разжалобить его слабостью было очень трудно... и со стороны его строгость могла даже иногда показаться жестокостью... Строгая его неподкупность, самостоятельность и справедливость в делах политических и общественных признавались даже злейшими его врагами...⁸

Особо отметим, что портрет Константина также создан под значительным влиянием житийного стиля и отражает внутренний мир благочестивого магната: „он никакого внимания не обращал на свою внешность”, „лицо князя поражало откровенной добротой и необыкновенной привлекательностью”⁹.

Писатель начинает повествование описанием добродетелей князя Константина, чем „закрепляет за героем статус добродетельного персонажа, противостоящего столь же четко очерченному «злодею». Данная ситуация типична для жанра жития”¹⁰. Для Всеволода Соловьева характерно некоторое идеализирование допетровской Руси. Так, например, в брошюре *Граф Алексей Толстой* он писал:

⁶ Вc.С. Соловьев, *Княжна Острожская*, Москва 1995, с. 89.

⁷ *Ibidem*, с. 14.

⁸ *Ibidem*, с. 17.

⁹ *Ibidem*, с. 14.

¹⁰ А. Лексина, *Историческая проза Вс. Соловьева (генезис и поэтика)*, дис. канд. филолог. наук, Коломна 1999, с. 106.

В старину, как известно, все проще жили: и князья, и бояре, и народ. Простору было больше, потому и человек ближе подходил к природе. [...] Можно ли не петь, когда вокруг тебя такая красота неописанная? И небо, и поля, и леса, и воды — все наполняет душу трепетом. Песня сама из груди льется, недаром в Древней Руси водилось столько искусных певцов, недаром ни один пир, ни один праздник не проходил без их песен; князь ли пирует, боярин ли, а как нет певца — то и пир не в пир¹¹.

[Князь Константин Острожский] представлен не мрачным аскетом, не суровым проповедником, а живым и разносторонним человеком, который производит самое благоприятное впечатление... Использование Всеволодом Соловьевым агиографических стилевых и композиционных элементов проецируется на сюжет произведения, формируя житийные мотивы. Ведь в житии необходимо изображать героя, или героев, повествования — как резко отрицательного, так и однозначно положительного. Отрицательный персонаж в житии — всегда „злодей”, герой положительный — идеальный, являющий собой всегда святого, воплощение всех христианских добродетелей¹².

Автор создал образ последнего феодала, последнего рыцаря эпохи, родственника монархов Речи Посполитой и Московского царства. Чтобы подчеркнуть силу и могущество князя, Вс. Соловьев подробно изобразил его владения, составлявшие особый *status in statu* в польско-литовском государстве: „Если бы князь Константин почел нужным, он всегда мог бы собрать такое войско, с которым можно было бы идти на Краков. Князю принадлежало [...] несколько тысяч деревень и несметное число слобод, хуторов и фольварков”¹³. Как известно из документальных исторических источников, Острожский был одним из „богатейших феодалов Речи Посполитой, владельцем 35 городов, местечек и около 700 иных владений”¹⁴.

Для рассмотрения рецепции личности князя Константина в данном произведении нам необходимо соотнести соловьевский образ магната с традиционным агиологическим каноном, который включает в себя следующие композиционные (тематические) части:

- 1) рождение от благочестивых родителей;
- 2) проявление святости в детстве;
- 3) благочестивая юность;
- 4) искушения, труды, подвиги, чудеса;
- 5) добрая смерть;
- 6) посмертные чудеса.

Соловьеский Константин — не преподобный, как его прадед, святой Феодор Острожский, не ратоборец-защитник, как его отец и бабушка, княгиня-воин Анастасия Слуцкая, а благоверный князь, то есть праведник

¹¹ Вс.С. Соловьев, *Граф Алексей Толстой*, Санкт-Петербург 1875, с. 13.

¹² Е. Никольский, *Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции*, дис. д-ра филолог. наук, Тверь 2014, с. 70–71.

¹³ Вс.С. Соловьев, *Княжна...*, с. 7.

¹⁴ К. Дмитрук, *Униатские крестоносцы*, Москва 1998, с. 89.

мирного времени. Он выполняет долг перед Богом, соблюдая евангельские заповеди и сохраняя в замке традиции благочестия, отстаивая истины Православия в своих владениях. Одна из важнейших, с точки зрения Соловьёва, заслуг Острожского заключалась и в том, что князь основал в своем вотчинном граде академию. Значение этой школы было велико: из нее вышли главнейшие борцы за православную русскую идею в юго-западной Руси. В романе князь блюдет долг вассальной верности перед королем, заботится о нравственном просвещении и материальном благополучии народа, мудро управляет своими удельными вотчинами. В контексте проблематики данной статьи нам также хотелось бы специально отметить, что агиологические грани образа князя (своего рода писательский профетизм) Константин в романе Вс. Соловьёва достоверны, чему подтверждением явилась произошедшая в 2008 году канонизация магната в Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата.

В последующем творчестве Всеволод Соловьёв не писал о святых, но примеры христианского благочестия не исчезают из его творчества. При этом появляются примеры и порочной старости. Во втором историческом романе *Юный император* (1877) писатель отобразил краткое царствование Петра Второго, внука Петра II и Евдокии Лопухиной. Произведение основано на строго документальном материале, прежде всего на многотомнике отца писателя Сергея Михайловича Соловьёва *История России с древнейших времен*. Обычно скупой на подробности, Сергей Соловьёв так описывает встречу монахини Елены (в миру — Евдокии Лопухиной, первой жены Петра Великого) с юным монархом:

Когда было первое свидание с бабушкой, неизвестно; известно только, что оно было холодно со стороны внука, который явно избегал (свиданий) со старою царицей: брат и сестра при свидании с бабушкой имели при себе цесаревну Елизавету, чтобы старушка не увлекалась разговорами о некоторых деликатных делах; но уверяли, что царица успела наговорить внуку о его поведении...¹⁵

Под пером Всеволода Соловьёва эти факты трансформируются в ряд сцен, в которые привнесены второстепенные детали о сложных взаимоотношениях представителей трех поколений императорской семьи. В одной из сцен своего романа Вс. Соловьёв высказывает предположение, почему молодой монарх решил навестить свою бабушку вместе со своей тетушкой, цесаревной Елизаветой Петровной. Подъезжая к ограде Новодевичьего монастыря, где проживала царственная инокиня Елена, Петр II говорит:

я боюсь этого свидания с бабушкой. Ведь мы ее не знаем, какая она. Вот так хорошо сегодня, так на душе радостно, а бабушка, наверное, станет плакать, жаловаться.... А при тебе, Лиза, она остережется, и все сойдет, как следует¹⁶.

¹⁵ С.М. Соловьёв, *История России с древнейших времен*, т. 10, Москва 1986, с. 124–125.

¹⁶ Вс.С. Соловьёв, *Юный император*, Москва 1993, с. 86.

Не менее примечательна в этом произведении реакция постриженной государыни на дочь ее великого супруга от его второго брака. Евдокия Лопухина отдает честь царственной стати и достоинству юной принцессы, но в то же время „она ненавидела эту красавицу Елизавету, ненавидела и за то, что она дочь Петра и Екатерины, и за то, что ее привезли теперь с собою, чтобы помешать откровенным излияниям. Заныло вдруг сердце старушки, она почувствовала слабость и едва дошла до кресла”¹⁷. Так скупое описание историка „переродилось” в яркий и запоминающийся эпизод романа. Зловещей в этом романе выглядит фигура первой жены Петра Великого, Евдокии Лопухиной: затворница, монахиня, которая не смирилась со своей тяжелой долей, отринутой жены, арестантки. Она вновь вошла в свет уже при дворе своего внука Петра II — мстительная, неудовлетворенная, честолюбивая. Отметим, что данный подход не соответствует историческим фактам: смирившись со своей скорбной долей, низложенная царица проявила себя как христианская подвижница¹⁸.

Немного более подробно Всеволод Соловьев в романе *Юный император* описал судьбу преждевременно состарившейся в ссылке супруги князя Ивана Долгорукова — Натальи Борисовны Шереметевой, ее любовь и верность к своему избраннику, ее полную несправедливости жизнь и горячую веру в милосердие Божие. В послесловии к роману Соловьев так писал об этой женщине:

Она осталась в памяти народной светлым идеалом чистой душой женщины, супруги, матери и христианки. Всю жизнь она терпела горе за горем; скончалась в Киеве монахиней. Последние слова ее, записанные перед кончиной, были: „Оставшиеся по смерти моей, пролейте слезы, вспоминая мою бедственную жизнь. Всякого христианина прошу сказать, вспоминая меня: «Слава Богу, что окончилась жизнь ее, не льются уж потоки слез и не вздыхает»” [...] Много людей проходят над прахом этой многострадальной женщины, не зная, что здесь ее могила, но имя ее не умрет — оно заслужило бессмертие¹⁹.

В отрывке, посвященном описанию судьбы Наталии Шереметевой-Долгоруковой (схимонахини Нектарии) Всеволод Соловьев создал тематическую параллель к образу главного героя романа: и „маленький император” и старая княгиня ищут в смерти избавление от тягот бытия. Однако, в отличие от молодого монарха, вдова его фаворита находит утешение в православной вере.

В романе *Изгнанник* (1885) описана жизнь декабриста после его возвращения из сибирской ссылки. Борис Сергеевич Горбатов приезжает в европейскую часть России огорченным, считая свою жизнь конченной. Толь-

¹⁷ *Ibidem*, с. 88.

¹⁸ В настоящее время Калужская епархия Русской Православной Церкви собирает материалы для канонизации Евдокии Лопухиной. В случае с этой женщиной писательский профетизм изменил Всеволоду Соловьеву.

¹⁹ Вс.С. Соловьев, *Юный...*, с. 197.

ко родной дом и общение с родственниками возрождают в нем оптимизм. Бывший политзаключенный все переносит мужественно. Жизнь отнимает у Бориса самое дорогое: детей и жену, — зато дает племянников, Николая и Сергея, о которых предстоит заботиться

Не все еще умерло, не все еще похоронено, недаром он рвался сюда. Есть для кого жить. И со всею силою долголетней тоски своего одинокого сердца хватался он за эту возможность жить и любить²⁰.

Мы рассматриваем Бориса Горбатова в числе тех героев русской классической литературы, которые получили наименования праведников. Но прежде всего, необходимо определить, что такое праведность и кто такой праведник. Праведник — в широком смысле слова — человек благочестивый и добрый, соблюдающий моральные и нравственные нормы, сознательно не причиняющий вреда ближним. Понятие „праведник”, как производное от слова „правда”, характеризуется семантической многозначностью. Первое значение знаменует социально-правовую коннотацию (то есть вторым значением), когда „правда” синонимически отождествляется со „справедливостью”, „эмпирией общественного устройства”, „честностью”, „добросовестностью”, „законностью” и т.д., а „праведник” — с таким понятием, как „человек, ищущий правду, справедливость, законность; правдоискатель”. Другое значение, в противоположность первому, оторвано от конкретно-бытовой наполненности и погружено в сферу идеальных представлений человека об „истине”, о „святой (или чистой) правде”, „справедливости как свойстве божественной сущности”. Во втором значении синонимом слова „праведник” выступает слово „святой”.

По христианским представлениям (вопреки мнению французского писателя Альбера Камю), святость вне Бога невозможна. Взаимоотношения человека с Господом не стали частью проблематики романа *Изгнанник*, эту тему Всеволод Соловьев раскрыл в своей мистической диалогии. Поэтому в *Хронике* мы встречаемся с праведничеством (кроме образа императора Павла) скорее в общечеловеческом, а не сугубо христианском понимании этого слова. И ярким примером этого явления мы считаем Бориса Сергеевича Горбатова. Пройдя сложную эволюцию, он, бывший масон, отдает все свои силы на служение ближним (не только семье и ее непосредственному окружению), прощает всех причинивших ему вред, помогает им осознать верный путь.

В этом же романе мы встречаем и изображение порочной старости в лице невестки Бориса, злой помещицы Екатерины Горбатовой. Вс. Соловьев, между тем, подробно не описывал эту отрицательную героиню. Эта женщина откровенно издевалась над беззащитной горничной, девочкой Грушей. Девочка страдает от притеснений своенравной барыни:

²⁰ Вс.С. Соловьев, *Изгнанник*, Москва 1992, с. 37.

Маланья убирала у старой барыни комнату, да, видно, разбила флакончик... Барыня как увидала — спрашивает: кто это сделал?... А она на меня и сказала... сейчас это барыня велит меня звать... Потасили... А они как крикнут: „Ты это, мерзавка, разбила?“ Я ни жива ни мертва... А, говорят, так ты еще и запираешься, лжешь... розог!²¹

Юная холопка оказывается на грани суицида. Обезумев от постоянных придирок госпожи, она сжигает усадьбу Знаменское. Борис Сергеевич взял Груню на свое попечение, укрыл ее от глаз злых людей из двора и от глаз взбешенной Катерины Михайловны, требовавшей, чтобы Груню наказали примерно и посадили в тюрьму. В образе Катерины Горбатовой сконцентрированы все негативные черты крепостничества; отрицательная характеристика героини усилена автором за счет упоминания о ее измене супругу с графом Щапским, духовным чадом иезуитов²². В целом же характеристика дореформенного уклада в пенталогии является положительной.

О специфике соловьевской пенталогии, не скрывая своей иронии, современный критик пишет:

Сколько бы ни достучивалась до человеческих сердец настоящая литература, герой-куклы популярны всегда, ибо они олицетворяют сладкую сказку, мечты читательниц и т.п. Поэтому персонажи Соловьева, относительно которых автором соблюдается четкая пропорция между хорошими и плохими, но не видно личности как таковой, не только благополучно дожили до конца XX века, но и свободно переместились на телеэкраны, даже „доросли“ до уровня каких-то идеалов определенной части аудитории²³.

Однако, изображая добро или зло, Вс. Соловьев никогда не сгущает красок и, тем не менее, достигает цели — показать красоту одного и уродство другого, возбудить к тому и другому вполне закономерные чувства. Человек виден по своим делам. Это хорошо было известно Вс. Соловьеву. Поэтому автор своих героев ставил в такое положение, которое характеризует их со всех сторон, и ему, таким образом, добавлять от себя нечего. Его герои живописуют сами себя.

В творчестве Всеволода Соловьева 1890-х годов усиливаются христианские тенденции. Так, в рассказе 1890-х годов *Грех Ивана Ивановича* главный герой, старый москвич, рассказывает своему молодому знакомому случай из своей молодости, перевернувший всю его жизнь. В экспозиции приводится описание внешности: „Иван Иванович был маленький старичок с длинной, густой, даже пожелтевшей от времени, как и набалдашник, бородою. Волос у него было мало, лицо все изрытое мелкими морщинами, но очень доброе и приветливое“²⁴. По своему типу герой близок к правед-

²¹ *Ibidem*, с. 115.

²² В данном случае мы встречаем с мифологемой об иезуитах как исконных и самых коварных врагах „Святой Руси“.

²³ М. Майоров, *Литературное родословие*, Тула 2006, с. 39.

²⁴ Вс.С. Соловьев, *Грех Ивана Ивановича*, Санкт-Петербург 1890, с. 3.

никам, упоминания и описания которых встречаются во многих произведениях русской классической литературы:

Иван Иванович аккуратно посещал церковные службы, помогал бедным и вообще делал много всякого добра, насколько позволяли ему его средства и умения. Но ни своим благочестием, ни своей благотворительностью он ничуть не превозносился, никогда не выставлял их на вид... В карты он совсем не играл, табаку не курил, от вина воздерживался²⁵.

Однако каждую осень с ним начинают твориться странные вещи: обычно благостный и приветливый старичок становится угрюмым, запирается у себя в доме, никого не принимает.

Соловьев здесь рассматривает проблему целого жизненного покаяния и искупления тяжкого преступления (убийства безоружного француза в 1812 г., во время суматохи, вызванной московским пожаром). В этом произведении сам рассказ Ивана Ивановича подается как наизидание его молодому другу. Ибо, как говорит главный герой:

Я всю мою долгую жизнь терплю наказание за великий грех мой, за то, что я губил человека, ни в чем я не могу найти покоя и счастья. Каждую осень, как близится годовщина моего злодеяния, тоска, та самая тоска, которую я впервые испытал, начинает душить меня. Мне так ясно слышится крики француза, его стоны, мольбы о спасении. Благодарю Господа за то, что Он дает мне возможность искупить грех мой²⁶.

Итак, здесь непросто описывается трагический эпизод из истории войны 1812 г., но и дана оценка деянию Ивана Ивановича, который сначала все воспринимал как своего рода подвиг, а после тяжело раскаивался в содеянном.

Порок у Всеволода Соловьева всегда отвратителен. В зрелые годы своего творчества он считал внехристианские формы мистики греховными, от того безобразными. Так, в романе *Злые вихри* (1894) он показал, что спиритизм может быть просто смешным явлением. В одной из начальных глав автор вывел в качестве эпизодического персонажа одного пожилого человека по фамилии Бундышев, убежденного и фанатичного спирита. По совам писателя, когда устраивают

сеансы, чаще всего у Гагарина, и зовут Бундышева [...]. Тушится все, свечи и лампы, делается ночь, стол поднимается, стучит, колокольчик звонит, а потом начинают Бундышева бить куда попало, щипать,... а на прошлой недели ему чуть ухо не открутили. Он крутит, визжит, молит, а на следующий день по всему Петербургу ездит и с восторгом рассказывает, как его духи избили, каких пощечин ему надавали. При дамах отвертывает рукава и показывает [...]. Сегодня у княгини Червинской показывал [...] кругом хохот, а он в позу — целую лекцию реинкарнации и уже не знаю, о чем еще²⁷.

²⁵ *Ibidem*, с. 6.

²⁶ *Ibidem*, с. 8.

²⁷ Вс.С. Соловьев, *Злые вихри*, Санкт-Петербург 1903, с. 41.

В своем последнем романе *Цветы бездны* (1895) Вс. Соловьев не уходит и от изображения порочной старости и выводит еще одну модель омертвелой души. Таков один из эпизодических персонажей, старый купец. „Безобразным этого маленького старичка назвать было сложно, но лицо его ровно ничего не говорило, не смотря на подвижность его фигуры, оно всегда оставалось спокойным. Только изредка можно было заметить на нем холодную и хитрую усмешку”²⁸. Этот человек мучает своих близких, при этом отличается религиозным лицемерием:

У себя в комнате на диване он читал псалтырь, и обычно, по своему обыкновению, более часу проводил на молитве. Он медленно следил глазами за каждым словом, давно уже наизусть зная то, о чем читал. В смысл же читаемого он не углублялся — это было просто времяпровождение, необходимое ему как для пищи и питья²⁹.

В отличие от прежних своих произведений, где верующие христиане (генеральша Проншина, император Павел, архимандрит Фотий, отец Николай, Фима Всеволожская и другие) являлись положительными героями, здесь мы встречаем иную картину: герой лишь блюдет внешние формы православного благочестия, в душе оставаясь тираном. Важной чертой, характеризующей этого персонажа является описание его дома, который имел „какой-то слепой и мрачный вид, казался тюрьмой, а не жилым домом”³⁰. В этом герое беллетрист показал, что старость бывает несносна даже у людей верующих и в этом открывается их лицемерие, маловерие и безверие, ибо внешне религиозные, но при этом бездуховные, полные сварливости, такие люди просто непереносимы, а жизнь с ними — пытка для родственников и лиц из их окружения. Если в вере человек не приобрёл внутренней радости от будущей встречи с Господом, то и сама старость для таковых мука, да и для окружающих тоже. Еще хуже складывается ситуация с порочными стариками (Екатерина Горбатова, Евдокия Лопухина и др.) у Соловьева: грех окончательно истощает их силы, и нечего, кроме отвращения, они не вызывают.

В то же время в соловьевских романах мы встречаем стариков и старух (князь Константин Острожский, княгиня Наталья-Нектария Долгорукова³¹, Иван Иванович, Борис Горбатов и других, которых мы не смогли подробно описать в данной статье) и у читателя сохраняется ощущение подлинности этих героев: и тогда, в их обыденной жизни, и сейчас, когда перед лицом смерти они вдруг как-то незаметно и естественно возросли в радетелей за правду Божию. Наверно, только в этом сочетании человеческой немощи и несуразности и преображающей их Божией силы и есть подлинная правда христианства, правда, которую почувствовал и сумел изобразить автор.

²⁸ Вс.С. Соловьев, *Цветы бездны*, т. 2, Санкт-Петербург 1904, с. 84.

²⁹ *Ibidem*, с. 83.

³⁰ *Ibidem*, с. 80.

³¹ Прямой предок автора этих строк.

Писатель задается вопросом, что означает „благословенная старость”? Это старость при сердце без морщин, это дряхлость плоти при молодости души. Ибо не в долговечности честная старость и не числом лет измеряется. Что же такое для него „достойная” старость? Прежде всего, для Вс. Соловьева, это духовное равновесие, умение найти Бога и жить в спокойствии и мире с Ним, с верой в Него, с любовью к Нему. Иметь духовную пищу, иметь общение с Богом — это первое, что должно является у писателя критерием „достойной” старости.

„Достойная” старость по Соловьеву — мир в душе, спокойствие, готовность помогать другим и не унывать, и не бояться смерти. Для писателя, глубоко верующего человека, старость его героев — благодатное время долгожданного покоя от наплыва страстей, всю жизнь терзающих человека, время духовной зрелости, время душевной чистоты и благодатной молитвы. Мало того, его герои, подлинники христиане, не только не боятся старости, но и самую смерть ожидают, как долгожданную невесту (жениха) и с радостью встречают ее приближение. Более того, праведные старцы и старицы у Соловьева за счет своего добродетельного жития преодолевают слабость возраста и активно помогают ближним. Так проявилась христианская жизнеутверждающая позиция писателя. При этом, не смотря на то, что восприятие старости в творчестве Всеволода Соловьева носит полярный характер, ему удалось уйти от соблазна претворить свои произведения только лишь в иллюстрацию христианских постулатов, что выразилось в частности в том, что каждый старик (и праведный, и грешный) представлен как яркая, многогранная личность, которая закономерно вызывает или симпатии, или отторжение. Но в целом полярность системы образов писателя это показатель того, что он вошел в историю русской литературы как плодовитый беллетрист, но его произведения пробуждают „чувства добрые” и привлекают к себе читателей уже почти полтора века.

Библиография

- Васильева С., *Творчество Вс.С. Соловьева и проблемы массовой литературы*, автореф. д-ра филолог. наук, Тверь 2009.
- Дмитрук К., *Униатские крестоносцы*, Москва 1998.
- Лексина А., *Историческая проза Вс. Соловьева (генезис и поэтика)*, дис. канд. филолог. наук, Коломна 1999.
- Майоров М., *Литературное родословие*, Тула 2006.
- Никольский Е., *Дворянский вопрос в прозе и публицистике Всеволода Соловьева*, „Мова і культура” 145, 2010.
- Никольский Е., *Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции*, дис. д-ра филолог. наук, Тверь 2014.
- Никольский Е., *Размышления Всеволода Соловьева о благочестии, вере и соблазнах эпохи*, „Церковь и время” 2009, № 2 (47).

- Никольский Е., *Социально-педагогические идеи православного писателя Всеволода Сергеевича Соловьева*, [В:] *Церковь и русский мир: история, традиции, современность. Пятое Свято-Филаретовские чтения*, ред. А. Мельков, Москва 2010.
- Соловьев Вс.С., *Граф Алексей Толстой*, Санкт-Петербург 1875.
- Соловьев Вс.С., *Грех Ивана Ивановича*, Санкт-Петербург 1890.
- Соловьев Вс.С., *Заметки издателя*, „Север” 1889, № 8.
- Соловьев Вс.С., *Злые вихри*, Санкт-Петербург 1903.
- Соловьев Вс.С., *Изгнанник*, Москва 1992.
- Соловьев Вс.С., *Княжна Острожская*, Москва 1995.
- Соловьев Вс.С., *Цветы бездны*, т. 2, Санкт-Петербург 1904.
- Соловьев Вс.С., *Юный император*, Москва 1993.
- Соловьев С.М., *История России с древнейших времен*, т. 10, Москва 1986.

Righteous and sinful senility in the works by Vsevolod Solovyov

Summary

The article analyzes the perception of old age in the works by Vsevolod Solovyov, it is noted that in the interpretation of the age is of a polar nature. The writer divides the elderly sinful and righteous. Last by their virtuous lives overcome the weakness of age and actively help others. So he showed his Christian life-affirming attitude. The writer managed to escape from the temptation to translate their works only in the illustration of Christian tenets.

Keywords: leitmotifs, senility, Christian morality, the Decembrists, Constantine Ostrozhky, righteousness, average prose, axiology

Sprawiedliwa i grzeszna starość w twórczości Wsiewołod Sołowjowa

Streszczenie

W artykule analizie poddano wizję starości obecne w prozie Wsiewołod Sołowjowa (1849–1903), zwracając uwagę na ich dwojaki charakter. Pisarz wyraźnie dzieli starców na grzeszników i sprawiedliwych. Ci ostatni, dzięki swemu cnotliwemu życiu, pokonują słabości wieku i aktywnie pomagają bliźnim. To charakterystyczna dla twórczości Sołowjowa postawa chrześcijańskiej afirmacji życia, przy czym rosyjskiemu beletryście udało się uciec od pokusy traktowania swoich dzieł wyłącznie jako ilustracji chrześcijańskich przykazań.

Słowa kluczowe: Wsiewołod Sołowjow, starość, chrześcijańska moralność, dekabryści, Konstanty Ostrogski, sprawiedliwość, aksjologia